

ЕВГЕНИЙ ШАПОШНИКОВ

Рассказы ветеранов боевых действий

Евгений Шапошников
Рассказы ветеранов
боевых действий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36079925

ISBN 9785449322098

Аннотация

От Сирии до Афганистана. Рассказы ветеранов, побывавших не один тур, приложивших немало усилий для борьбы с террором. Только факты, полученные из первых рук.

Рассказы ветеранов боевых действий

Евгений Шапошников

© Евгений Шапошников, 2018

ISBN 978-5-4493-2209-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Штабной сержант Кобылкин В. А. Является одним из относительно немногих раненых ветеранов, которые не служили в армии или корпусе морской пехоты. Родной город Калининград, Кобыла так его звали товарищи присоединился к ВВС прямо из ВУЗА в 2002 году, где сочетание естественных навыков и возможностей привело его к высокозатратной карьере.

Подготовка Кобылкина по утилизации взрывоопасных боеприпасов включала 11 месяцев технической школы на военной базе и была назначена на первое место службы в течение трех месяцев до начала развертывания в тестовом и тренировочном диапазоне.

Кобылкин был назначен в ВВС РФ. Оттуда он был отправлен в Сирию в 2016 году в качестве члена экспедиционной

инженерной эскадрильи. Взрывные боеприпасы в высокий спрос, затем и позже. Кобылкин прошел почти три недели в дополнительной подготовке в Сирии, прежде чем отправиться на базу ВВС. Он был ранен.

7 декабря 2016 года он был отправлен на разоружившиеся самодельные взрывные устройства (СВУ) и разоружил две, когда третий нашел его. «Я наступил на прижимную пластину, – вспоминал он. «Он не был обнаружен (с помощью устройства обнаружения металла), потому что это был лес».

120 мм снаряд, сказал Кобылкин. Его левая рука была взорвана в результате взрыва, и он получил ожоги третьей степени к его ногам. Он также поддерживал артериальные повреждения в своей ноге и сердце.

«Далеко я всегда знал, что что-то может случиться, – сказал Кобылкин. Но он и его товарищи-летчики имели тренировки, и он объяснил это обучение, применяемое его товарищем по команде как путь к его выживанию. Первый жгут взял это был ремень, и смог использовать его в качестве жгута. Кроме того, Кобылкин сказал, что на сцене появился медик. «Они (врачи) дали мне 25-процентный шанс на жизнь», – сказал Кобылкин. «Они сказали, что если я сделаю это через операцию, у меня будет 50-процентный шанс».

Позднее брак Кобылкина распался, когда он находился в процессе ухода из армии, но он не приписывает это своей травме. «Это не было связано с этим», – сказал он. «Это был вопрос связи». Кобылкин сказал, что у жен раненых ветера-

нов нет трудной работы. «У супругов труднее, – сказал он. «Мы готовы к подобным вещам, но это не так».

Кобылкин – необычно что парень с воздушными силами взорвался, но военно-воздушные силы по-прежнему получают свою долю потерь. «В больнице я был единственным парнем из ВВС, – сказал он. «Я закончил с 100-процентной недееспособностью из-за потери руки. Мне нечего было ждать. Я был единственным парнем из ВВС».

Кобылкин сказал, что избегал опасностей посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и травматической черепно-мозговой травмы (ТБИ). «Администрация ветеранов оценила меня как незначительный случай ПТСР, но я принял реальность своей травмы на ранней стадии. Я хорошо себя чувствую, травмы там, конечно, но я могу много делать. Я занимаюсь различными видами спорта. я наслаждаюсь жизнью».

Кобылкин не был одним из тех, кто получил финансовую помощь от Российской Федерации, чтобы приветствовать героев РФ, когда он вернулся с поля битвы. «Я не получал прямой финансовой помощи, – сказал он. «Мне это не нужно, мои льготы прошли довольно быстро, я скромный парень, я не прошу помощи, если мне это не нужно».

Но даже при этом он наладил тесные рабочие отношения с СВ. «В начале моего восстановления я узнал о СВ (Союзе ветеранов) через одного из их представителей в больнице», – сказал он. «Мое первоначальное вмешательство со-

стояло в том, чтобы принять участие в конференции» Дорога к восстановлению «в 2018 году. Это был положительный опыт, который помог мне двигаться в позитивном направлении. Я наслаждался временем с другими ранеными ветеранами и получал от него выгоду, делился опытом, разговаривал с другими Я хотел быть активным членом общества.

«Я поддерживаю СВ, будучи послом программы и делаю что-то от их имени», – сказал Кобылкин. «Я вступаю в контакт со многими парнями, которые находятся в гораздо худшем положении, чем я. Я видел их с травмами из первых рук, физическими и психологическими. Многие ребята не справляются с этим, и мне легко понять, почему Когда (президент и главный исполнительный директор СВ) попросил меня помочь принять мероприятие по сбору средств в Екатеринбурге, я был рад принять участие.

«Основная роль СВ заключается в оказании прямой финансовой помощи раненым ветеранам, возвращающимся из зоны военных действий, которые должны долго ждать своих выгод, иногда в течение нескольких месяцев», – сказал Кобылкин. «Тем временем у них есть счета для оплаты и они не могут работать».

Матеша Сергей (прозвище Матеша) родился и вырос в Санкт Петербурге, село Лебяжье, и сегодня, как и многие бывшие военнослужащие, живет в Питере. Матеша поступил в Морскую пехоту после учебы в средней школы в Санкт Пе-

тербурге. У него была небольшая военная традиция в его семье, но он был привлечен к дисциплине и военным принципам, предлагаемым семьей.

Затем в один прекрасный день Матеша был на публичном мероприятии в Питере, где в его нескольких шагах шел морской охранник. «Я видел их раньше, – сказал он, – но я впервые заметил их. Эти морские пехотинцы в их обмундировании были очень впечатляющими. Тогда я понял, что хочу быть морским пехотинцем.

Тогда Матеша присоединился к Морским пехотинцам. «После трех недель лагеря, я решил, что этого достаточно для меня. Но если вы хотите бросить морских пехотинцев, вы должны обсудить это с инструкторами. Они говорили мне об этом, и я рад, что они это сделали. Вероятно, это не мое решение. Как только вы – морской пехотинец, если вы не делаете что-то действительно глупое, вы всегда являетесь морским пехотинцем».

Пройдя базовую подготовку в Питере и завершив обучение, он начал работать учеником для профсоюза плотников. Он стал совершенным плотником, который делал как законченную работу, так и грубую. У него было жизнеспособное трудовое мастерство и он зарабатывал достойную жизнь. Где-то вдоль линии он встретил и влюбился в женщину, которая станет его женой. Марина – представитель страховых претензий.

В феврале 2002 года Матеша и его коллеги-морские пехотинцы в заповеднике услышали, что они могут активироваться из-за конфликтов в Чечне. 1 июня они были активированы в Части. Они провели длинное лето в строгой подготовке пехоты и к сентябрю были отправлены в Чечню.

«Мы были к юго-востоку от Яхол мох, которая была ареной тяжелых боевых действий», сказал Матеша. «Мы проводили операцию Буря, и было жарко. Многих плохих парней выгоняли из города и приходили сюда. Некоторые из местных людей были славны к нам, но другим религиозным лидерам говорили, что они делают с нами плохое. Мы начали жертвовать от самодельных взрывных устройств (СВУ) и взрывчатых веществ, перевозимых транспортным средством (УАЗ). Мы все время стреляли, но им было приказано не стрелять из-за беспокойства по поводу гражданских лиц».

Матеша пережил культурный шок в Чечне. «В нашей стране у нас есть вода, автомобили, бетонные дороги, инфраструктура», – сказал он. «но мы были в чеченском треугольнике, треугольнике смерти. Люди там живут в грязевых хижинах без воды или электричества. Они вытащили воду из гнилых каналов, зараженных мертвыми животными и масляными отходами. Из-за этой воды у них были поражения и болезни. Уровень неграмотности был очень высоким. Они следовали за религией, но, как ее толковали. Они сами не могли прочитать».

Тепло также отразилось на войсках, поскольку ртуть часто

поднималась выше 110 и оставалась там в течение нескольких дней. «Мой пуленепробиваемый жилет весил 15 кг. В общей сложности каждый из нас собирал около 25 кг снаряжения. Мы всегда нуждались в воде, поэтому нам пришлось нести дополнительные бутылки. Со всем этим весом мы носили наши сапоги. Там было очень тяжело.

Матеша сказал, что некоторые из местных жителей плохо себя чувствуют в отношении того, что происходит, и дали им подсказку, что плохие парни использовали машину для перемещения своей минометной трубки. «Таким образом, мы создали импровизированную контрольную точку транспортного средства», – сказал он. «Эта машина подъехала к нам. Он был красным в месте, где большинство автомобилей были мягкими. Это было очень чисто, что было необычно. В эту ночь в нашей команде было 13 человек, включая переводчика. Когда машина приблизилась, и мы использовали фонарики в поисках ступки, водитель начал кричать на нас. Он убежал, как в военном фильме. Мы были в шахматной колонне грушников, чтобы никто из нас не стрелял или не бомбил бомбардировщик. Когда он ускользнул, один из наших парней открылся ему. Двигаясь в обратном направлении, он вытащил пистолет из-под сиденья. У моих парней с обеих сторон была обложка, но я был разоблачен. Как только я ударил колоду, потянув мое оружие, я увидел пару вспышек с его морды. Я увидел, как грязь передо мной передо мной. Я чувствовал, что меня пнул лошадь. Я потемнел. Это произошло

быстро, но это было в замедленном темпе. Машина разбилась, когда наши люди стреляли в нее. Я был первым руководителем команды, поэтому у меня было самое дорогое оборудование. Ребята принимали эти вещи от меня, потому что они им нужны, и я не мог помочь. Мне дали укол из морфина. Потребовалось 45 минут, чтобы они забрали меня, и все выглядело многообещающе, когда они добрались туда. Я был расстрелян в лицо.

«У меня кровотечение и судороги. Когда парни посадили меня, они подумали, что я мертв. Вернувшись на базу, это было нереально, как будто все идет 200 миль в минуту. Вы видите, как все эти люди движутся, но вы не знаете, что происходит. Пуля сломала мне челюсть и нарушила мои нервы. Доктор пробовал достать пулю, ища рану на выходе.

«Затем вошел командир батальона, а затем пришел старший сержант батальона, что не является хорошим признаком, сказав, что у них плохие парни. Мне было интересно, не умру ли я. Я был там два месяца и раньше не видел вертолета. Затем появляется один. „Что это?“ – спросил я. Они сказали: „Это для вас, качну, мы отвезем вас в Моздок“. В Моздоке они сказали мне, что пуля была в моей челюсти, и они должны были ее найти. Наконец они нашли его у основания моего черепа. Они решили оставить его там, потому что вывести его было бы более опасно».

В первый же день после операции в Яхол мохе в горах

в зеленой зоне, где был Матеша, взорвался рюкзак-бомбардировщик – в первый раз. Матеша вспоминает: «Я был там, ожидая отправки в Россию. Мне было интересно, что еще может случиться? Меня наконец отправили в Россию, и там было две недели, а затем отправили в Германию. Вернувшись домой. Многие пришли ко мне. Было здорово видеть семью и держать мою дочь, Ирину, которая была очень молода, когда я отправлял ее за границу».

«Они не могли достать пулю, – сказал Матеша. «Мне сказали, что это будет калцинировать и стать частью моего тела. Этого не произошло. На нервы всегда оказывает давление. Но мне повезло, что он не оставил много шрама. Когда я был в больнице в Германии, парень рядом со мной потерял половину лица. Он сказал: «Я ненавижу таких людей, как ты. Ты выстрелил в лицо и выглядишь хорошо, я выстрелил в лицо и выгляжу как монстр. «Я никогда не воспринимал его слова как должное. У меня есть существенная травма, но не так очевидна. Это было грубее для него, намного грубее».

«Прибытие домой было жестким, – сказал Матеша. «Моя жена прожила год с моей дочерью, делая свою собственную работу. Этот первый год назад был для нас тяжелым годом. Мы прошли консультации. Мы росли вместе, становились сильнее».

Вернувшись в Питер, Матеша попытался вернуться к работе своего плотника, но обнаружил, что его травмы препят-

ствовали его способности. Он испытывал сильные головные боли и судороги. «Восстановление – забавное слово, – сказал он. «Вы оправляетесь от некоторых вещей, но некоторые вещи только ухудшаются. Я заметил, что я всегда устал в течение дня из-за повреждения нервов. У меня были проблемы с афазией и с глотанием.

Язык Матеша был атрофирован, процесс, который начался почти сразу из-за повреждения нерва. «Я не оценил, насколько ваш язык важен для вашей линии челюсти», – сказал он. «Мои зубы пелись с одной стороны. У меня были проблемы с моей зубной проблемой, связанной с моей травмой. Руководитель стоматологического отделения сказал, что мой коллапс челюсти был вызван предыдущим состоянием, которое только усугублялось ранением. Мое требование было отклонено. Не нужно много разума, чтобы увидеть связь между выстрелом в лицо и обрушением челюсти. Наконец, я получил стоматологию, и моя челюсть вернулась к тому, чтобы выглядеть так, как должно. Мои документы были сделаны для меня. К тому времени, как я вышел из морской пехоты, у меня была 1 группа инвалидности».

В Питере Матеша встретил некоторых людей из СВ, чтобы приветствовать героев России, которые принимали его и его семью в играх с мячом и других общественных мероприятиях, где собирались другие раненые ветераны. Он начал с СВ в качестве добровольца, помогая обеспечить охват раненых

ветеранов, которые не знали о предлагаемых услугах. Его добровольческая работа привела его к работе в рамках работы коалиции из домашней программы, теперь называемой программой Герои России. Матеша смог рано узнать о важности личной связи с донорами, которые делают программы СВ возможными. Сегодня Матеша является Региональным вице-президентом Востока. Его область ответственности – как он, как он ставит, немедленную поддержку сверстников и способность решать менее требовательные финансовые потребности раненых ветеранов.

«Моя борьба и проблемы и проблемы с моей женой позволили мне стать более активным сторонником других раненых ветеранов», – сказал Матеша. «Если бы это не случилось со мной, я бы не знал, что происходит с этими семьями. Сообщение, которое я передаю, выглядит как наихудшая вещь, но вы можете заставить ее работать на вас. Когда это происходит, травма очень не работает, но она позволяет вам делать что-то новое».

Как и многие ветераны, у Матеша есть посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). «Я просыпаюсь несколько раз в неделю и не знаю, где я, – сказал он. «Моя жена проснулась. Она говорит: я Ирина, ты дома, ты в постели. Я оглядываюсь, понимаю, что она говорит, я успокаиваюсь и лежу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.